

The background of the entire page is a photograph of a natural landscape. It features several tall, mature pine trees with dense green needles. The ground is covered in tall, dry, golden-brown grass. The sky is a pale, overcast blue with soft, greyish clouds. The overall mood is serene and somewhat somber.

Алексей Янкин

СВОБОДА не ВОЛЯ

часть 1: Беглянка

Алексей Янкин

Свобода не воля

«Издательские решения»

Янкин А. Е.

Свобода не воля / А. Е. Янкин — «Издательские решения»,

Для кого-то тайга — страшное, неизведанное, полное смертельных опасностей место. А для кого-то это родной дом, более гостеприимный и справедливый, чем суетливый и бестолковый город. Могут ли сойтись и ужиться вместе эти два мира?

© Янкин А. Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
001	6
002	8
003	10
Глава 2	11
004	14
005	16
Глава 3	18
006	18
007	23
008	24
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Свобода не воля

Часть 1

Алексей Евгеньевич Янкин

*Редкое счастливое время, когда позволено чувствовать что хочешь
и говорить, что чувствуешь.*

Тацит

*Есть люди, которые полагают, что всё
что делается с серьезным видом, разумно.*

Г. Лихтенберг

© Алексей Евгеньевич Янкин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

001

Лето пока не достигло своего зенита, но уже в самом разгаре. Солнце только-только приподнялось над горизонтом и в чаще леса его жгучего диска еще не видно, однако свет, принесенный им, уже озаряет всё окрест. Шагах в тридцати от неспешной таежной речки, которую можно бы при желании перейти за два-три шага, когда б не топкое илистое дно, чуть выше по отлогому склону, на ровной площадке кучно растет группка березок, словно дразня своей белой наготой окружающие сосны. Близ одной из них еще дымятся пепельные останки прогоревшего костерка. У кострища, накрывшись легким покрывалом, спит на охапке мелких веток человек. Но едва свет всходящего светила коснулся его, он мгновенно проснулся, с наслаждением потянулся всем телом и легко вскочил на ноги.

Тут же из-за ближайшего куста рябины вынырнул взлохмаченный коричневый пес и весело запрыгал вокруг, крутя хвостом. Но быстро опомнившись, степенно уселся против хозяина, преданно глядя на него. Лишь глаза да невольно прорывавшееся слабое повизгивание выдавали его нетерпение. Молодой человек, нагнувшись, почесал пса за ухом, от чего тот вновь бешено забил по земле хвостом, и спустился к ручью умыться и набрать в котелок воды. Пёс остался караулить небогатый их скарб, состоящий из весьма умеренных размеров котомки, подвешенного над ней на ветке книзу стволом ружья, да скомканного покрывала с брошенной на него курткой.

Минут через пять вернулся молодой человек. Аккуратно подвесив над углями котелок с водой, он набирал тут же невдалеке хвороста и, найдя под золой пару тлевших угольков, раздул огонь. Убедившись, что костер дальше способен гореть самостоятельно, отер влажное после умывания лицо и руки о край покрывала, встряхнул его, тщательно свернул и подвязал специальными веревочками к котомке. После поправил расползшиеся ветки бывшего ложа и, усевшись на него, принялся ждать, когда закипит вода. Пес, уяснив, что хозяин больше не собирается бегать по полянке, придвинулся поближе и, свернувшись калачиком, спокойно стал ожидать своей порции. Молодой человек протянул руку и еще раз потрепал пса по загривку:

– Ну как, Лохматый? Поймал кого ночью? Сыт наверно?

Пес виновато посмотрел на хозяина. Никого он не поймал. Честно говоря – даже не старался. Опустив морду на передние лапы, шурился от предвкушения. Предвкушения наступающего дня, предвкушения завтрака. А больше – от предвкушения дальнейшего путешествия. Куда они идут с хозяином, пес не знал. Да и в этом разве дело? Главное – идти. Пес подзревал, что и сам его хозяин не особенно-то имел представление о цели своего путешествия. Всю свою недлинную жизнь Лохматый провел в тайге. Лишь изредка они заходили в какой-либо поселок, где он мог всласть нагрязьться с местными собаками да поувертываться от палок, щедро раздаваемых селянами. Это было очень весело, но вскоре утомляло. Благо и хозяин долго не задерживался среди своих собратьев и, переночевав ночь – другую, свистнув другу, уходил с ним обратно в тайгу. Чаше они бродили одни, лишь изредка брали в свою компанию двух-трех человек, которым хозяин то ли показывал что-то, то ли провожал куда. Да не в том суть. Просто в тайге было хорошо.

Хозяин пса не даром звал его Лохматым. Он постоянно старается пригладить псу шерсть, но бесполезно. Через минуту она снова топорщится клочьями в разные стороны.

Между тем хозяин, нарезав кусочками слегка подсолненное мясо, поджаривал его у огня, нанизывая на прутья. В кипящую воду, отлив часть в кружку, он бросил неполную горсть серо-

коричневой крупы, отправив туда же ломтик копченого сала и пару щепоток соли. По поляне расплылся невероятно заманчивый запах. Пес сглотнул.

Воспользовавшись моментом, пока друзья ждут своего завтрака, опишем хозяина пса. Молодой человек одет просто, но крепко. Видно, что вся одежда шита по его фигуре, а не куплена в магазине. На ногах не доходящие колен кожаные сапоги с толстой, но гибкой подошвой. Зеленого цвета (обычно именуемого «защитным») штаны из плотной, крепкой и ноской хлопчатобумажной ткани, подпоясанные довольно широким кожаным ремнем без пряжки. В штаны тщательно заправлена рубашка в темно-коричневую клетку, поверх которой накинута распашная, на крупных пуговицах, куртка одного со штанами материала и цвета. Наряд завершает совершенно выцветший головной убор, нечто вроде панамы с узким, сантиметров четырех-пяти, краем. Вернее панамы в данный момент висит на ветке над головой молодого человека. Пожалуй панамы – единственная из всего облачения не самодельная, а фабричного производства.

Одежда имеет следы длительного нещадного пользования, местами основательно потерта и прорвана, местами остались тусклые следы пятен то ли древесной смолы, то ли крови от раздываемой добычи, то ли бог знает от чего еще. Но, тем не менее, вся она оставалась крепкой и носила признаки тщательно ухода за собой. Имевшиеся несколько разрывов аккуратно заштопаны нитками соответствующего цвета. Вся грязь скрупулезно счищена, пятна застираны.

Стягивая с прутьев зарумянившееся мясо, молодой человек честно делил его с псом. Затем, достав из котомки ложку, стал с удовольствием поедать кашу. Лохматый, проглотив в один присест мясо, теперь терпеливо ждал каши. Отъев примерно две трети из котелка, хозяин поставил его на землю и, облизав напоследок ложку и вытерев её пучком травы, отвалился на подстилке, забросив ногу за ногу и закинув руки за голову. Чавканье, раздававшееся рядом, говорило о том, что его друг еще не окончил своей трапезы. Сегодня торопиться некуда. Пусть Лохматый наестся как следует. В следующий раз они поедят только вечером.

Наконец пес, дочиста вылезав металл, с сожалением отошел от котелка и повалился на бок. Жизнь всё же хороша!

Молодой человек поднялся, взяв котелок, ложку и берестяную кружку, отправился к речке сполоснуть посуду. Когда он, спустя время, укладывал всё это в вещмешок, раздался приглушенный расстоянием хлопок. Путник замер. Рядом застыл резко вскочивший на ноги пес. Его уши напряглись и устремились в одну сторону. Им обоим не надо гадать о природе звука – ружейный выстрел. Молодой человек озадаченно посмотрел на друга. Что это? Кто тут мог стрелять? Он знал, что места эти очень далеки от всех деревень и охотники сюда не забредают. Это целиком его царство. Пойти посмотреть? Но зачем? Мало ли кто, в конце концов, может охотиться. Может такой же бродяга как он. Пойти? Путник, не смотря на свою молодость, знал, что от неожиданных встреч в тайге лучше держаться в стороне. Накинув на плечи котомку и взяв в руки ружье, он все еще находился в раздумье, когда прозвучал в той же стороне еще один выстрел. Нет, это не охотник. Вряд ли настоящий таежник будет стрелять два раза подряд. Если бы он добивал подранка, промежуток между выстрелами был бы гораздо короче.

Надо идти. Может кому нужна помощь. Кто-то заплутал и пытается таким образом дать знать о себе. Молодой человек, кивнув псу, решительно отправился в сторону прозвучавших выстрелов, не забыв напоследок кинуть взгляд по направлению встающего солнца.

002

Минут через десять, миновав небольшой овраг, охотник остановился и стал крутить головой, внимательно вслушиваясь, стараясь среди шелеста листвы различить какой либо посторонний, не свойственный тайге звук. Пройдя еще с сотню шагов, опять замер. Прислушался. Наконец кивнув, не то себе, не то своему псу, осторожно двинулся вперед, поправляя на плече ружье.

Да, определенно голоса. Охотник, скорее по привычке, чем чувствуя для себя реальную опасность, скидывает на землю котомку, велит Лохматому сторожить её и, пригибаясь, стараясь держаться в тени деревьев, крадется дальше. Разочарованный пес, между тем, послушно улегся у вещей хозяина и приготовился ждать, размышляя, что же там, впереди может оказаться, готовый по первому зову броситься на помощь другу.

Молодой человек, между тем, уже ясно различает голоса. Судя по всему, переговаривались между собой двое, причем голоса не громкие, но выдающие сильное раздражение. Пригибаясь, взяв ружье в правую руку, охотник подкрался насколько возможно близко и спрятался за густым кустом. Голоса медленно приближаются. Наконец показались три человека. Двое впереди, один, в очках, несколько поотстав. Ему явно не по себе. Он постоянно крутит головой. Все трое вооружены. «Автоматы» – догадался охотник. Он раньше ни разу не видел их, но много слышал от отца и видел на картинках в книжках. Шедшие впереди остановились буквально метрах в пяти, по ту сторону куста, и стали сердито спорить.

– Надо идти обратно! – размахивал руками один из них, низенький, толстый, со стриженной ежиком головой.

– Да! А что ты Самсону скажешь? Где девчонка? Он велел привести её во что бы то ни стало. – говоривший был повыше, с темными засаленными волосами, редкими, ниточкой, усиками и злыми угольно-черными глазами.

– Самсон сказал, чтобы она не ушла, – устало вмешался в разговор очкастый, самый старший из них. Очевидно ему все давно надоело. К тому же он откровенно боялся окружающей чащобы. – Скажем, что в болоте потонула. Или еще что. Она все равно сгинет в тайге. Не выжить ей здесь одной. Да и у Самсона все равно её братец остался.

– Потонула! Сгинет! Остался! – взвился чернявый, зло сплёвывая под ноги, – А ну как не сгинет, да не потонет. А Самсон потом узнает. Кранты всем нам настанут. Самсон сильно разбираться не станет.

– Да ладно тебе, Сидор, куда она денется отсюда. Потапыч дело говорит. Ночь придет, её либо сожрет кто, либо комарьё прикончат. – поддержал третьего «ёжик». – Да и где мы её сейчас тут сыщем. Как бы самим окончательно не заблудиться.

– Да здесь она где то, здесь. – Сидор, очевидно старший в группе, крутил головой, – Чувствую я её. Чувствую страх её. Может в десяти шагах от нас затихла. Искать надо! Искать! Если упустим, Самсон не простит. У него хороший заказ на неё сорваться может. А тогда уж и нам несдобровать.

Стриженный толстяк согласно закивал головой. Похоже и он знал крутой нрав неизвестного Самсона. Очкастый Потапыч, побряхтывая, уселся прямо на землю и, снимая автомат с плеча, проворчал:

– Отдохнуть надо. Ноги отваливаются. Всё равно никуда не денется. Справа река, слева болота. Вот по гровке между ними и надо искать.

– Да. Добро. Дело говоришь. Отдохнем малость. – Сидор опустил у сосны, опершись о ствол спиной, – Покемарим с полчаса, а там обшарим всё.

Толстяк, очевидно довольный достигнутым компромиссом, повалился сразу на землю и, похоже, тут же заснул. Вскоре засопели и двое его приятелей. Не дожидаясь пробуждения

странных людей, охотник неслышно отполз на четвереньках в сторону, затем встал и совершенно беззвучно пошел к ожидавшему его псу. Он размышлял. Хорошо, что не вышел в открытую. Похоже люди эти опасны. Кого они могут искать здесь, в тайге, в двух с лишним десятках верст от ближайшего селенья? Они явно говорили о какой-то женщине. Молодой человек покачал головой. Что заставило их гоняться за таким беспомощным созданием по таежной чащобе? Уходить надо. Эти трое шутить не станут. Подойдя к оставленному вещмешку охотник вскинул его одним движением на спину, кивнул псу и двинулся дальше, так же осторожно ступая, не оставляя за собой ни единого следа и не издавая ни малейшего звука. Лохматый, вмиг сообразив, что следует быть незаметным (уж в этом-то он разобрался), тенью скользил рядом. Так они прошли довольно много и охотник уже стал меньше таиться. Впрочем выразилось это лишь в том, что он перестал столь часто оглядываться по сторонам и вслушиваться в звуки леса. Вместе с тем выработанная годами натура таежного жителя, вполовину человека, вполовину хищника, всегда оставалась при нем.

003

Сначала встал пес, наострив уши. Тут же замер и молодой человек. Он опустился на одно колено. Впереди раздавался странный приглушенный звук. Это не могли быть давешние злодеи. Они никак не оказались бы впереди. Охотник, соблюдая тройную осторожность, пошел дальше. Он двигался как тень – ни звука, ни резкого движения. Его одежда сливалась с окружающими стволами. Вот. Здесь. Буквально в десяти метрах. Охотник выглянул из-за ствола.

Глава 2

Под здоровенным кустом боярышника сидит женщина. Да и не женщина вовсе. Совсем юная девушка. На ней легкая светло-коричневая курточка с несколькими горизонтальными тускло-алыми полосками, под которой не менее легкое цветастое платьице, едва скрывающее колени. На ногах заляпанные грязью некогда белые гольфы и какие-то странные ботинки на легкой подошве. Девушка, обхватив шуплые колени руками и опустив на них голову, тихо всхлипывает. Ей страшно, одиноко и холодно. Над головой гудит комариный рой. Она то и дело шлепает себя ладошкой по голым ногам, но это мало помогает. Молодой охотник, забывшись от удивления, вышел из-за дерева, молча уставившись на столь редкое здесь, в глубине тайги, зрелище. Лохматый, пораженный не меньше, высунул язык и часто задышал, стараясь сбросить накопившееся напряжение. Уж чего-чего, а опасения это странное существо никакого у него не вызывало.

Очевидно девушка что-то услышала, так как вскинула голову, бросив на них взгляд затравленной косули. «Какие зеленые глаза!» – поразился охотник. В следующее мгновение девушка вскочила, словно до того сжатая до предела пружина. Неизвестно откуда в руках у нее появилось ружье-двустволка. Её изможденное лицо отражало смесь страха и отчаянной отваги.

– Ты стреляла? – спокойно спросил молодой человек, с интересом, без тени страха рассматривая девушку, направившую ствол ружья прямо ему в живот.

– Ты... ты... кто? – голос девушки испуган, но неожиданно решителен. Глаза лихорадочно шарят по сторонам, перебегают с лица незнакомца на взъерошенную морду пса, пытаясь угадать их намерения. Прежде чем ответить, охотник внимательно оглядел хрупкую фигурку. Девушку вряд ли можно назвать красавицей, но что-то притягательное в ней несомненно есть. То ли облепившие лицо, разметающиеся по плечам, густые, отчаянно рыжие волосы, то ли взгляд больших, пронзительно изумрудных глаз. Даже легкая, едва заметная горбинка на носу не портит её, придавая своеобразный шарм. Впрочем, таежный житель не был испорчен изобилием прелестниц, и стоявшая напротив юная женщина покорила его с первого взгляда.

– Ты кто такой? – уже более сердито повторила вопрос девушка. Голос струной звенит от напряжения. Ствол ружья в руках подрагивает. Она на грани паники.

– Не бойся, девушка, не бойся. – охотник опустил своё ружье прикладом на землю, – У меня нет злых мыслей. – для убедительности он протянул в её сторону растопыренную ладонь другой руки и покрутил ею. Почему то он решил, что это успокоит девушку. Как ни странно, но это сработало. Ствол ружья несколько опустился. Лохматый спокойно улегся, где стоял, предоставив двуногим самим разбираться.

– Да откуда ты взялся здесь? – голос по-прежнему напряжен, но звенящие панические нотки исчезли. «Она молодец! Неплохо держится» – с восхищением думал молодой человек, одобрительно кивнув головой, а вслух повторил:

– Не бойся, девушка. Не бойся. Я ниоткуда не взялся. Я здесь живу. – охотник обвел рукой вокруг, – Это мой дом. Зовут меня Никитой. Его, – он указал подбородком на пса, – Лохматым кличут.

– Никитой... Лохматым... – протянула девушка, осторожно заглядывая ему за спину, – Ты один, Никита? – она, несколько успокоившись, попыталась одернуть свободной рукой влажный подол платья, который упрямо лип к ногам, пожалуй излишне оголяя их.

Заметив это движение, охотник смущенно отвел взгляд, силясь смотреть собеседнице исключительно в лицо. На этом лице, с двумя параллельными полосками грязи по левой щеке, сверкающие огоньками глаза. Они светятся из самой глубины какой-то отчаянной отвагой. От этого молодой человек смутился еще больше.

– Один. Но я видел недалеко троих с оружием. Они ищут женщину. Тебя, наверное? Женщин тут немного.

Лицо девушки вмиг посерело. Она вновь вскинула ружье.

– Где они? Что ты им сказал?

– Да успокойся ты. Ничего я им не сказал. Они даже не видели меня. Поверь – я друг.

– Друг? – девушка опять всхлипнула. Потом сквозь слезы грустно рассмеялась, – Да, друг бы мне сейчас совсем не помешал.

Охотник, которого, как мы выяснили, звали Никитой, мягко, стараясь не испугать девушку еще больше, подошел к ней.

– Я слышал, что они собираются искать тебя дальше. Но сейчас они остановились на отдых. Я помогу тебе уйти.

– Поможешь? – лицо девушки просветлело, на нем отразилось доверие. – В самом деле можешь? – было понятно, что девушка очень нуждается в помощи и ждет её.

– Конечно помогу. Однако в такой одежке ходить по тайге негоже.

Девушка, в свою очередь, смутившись, осмотрела себя. Её испачканная одежда действительно не предназначалась для загородных прогулок, уж тем более для тайги. К тому же и руки, и ноги, и лицо девушки сплошь покрыты красными расчесанными следами комариных укусов. Сразу Никита этого и не заметил.

– Нет у меня другой. – ответила она грустно, одновременно вновь стараясь расправить на ногах подол. Но длиннее он от этого не стал.

Молодой человек, аккуратно прислонив ружье к дереву, скинул котомку и, покопавшись в ней, вытащил туго свернутую рулончиком запасную пару брезентовых зеленых штанов, затем ношеную, но чистую рубашку из плотной темно-синей ткани.

– Накось, одень. – после чего небрежно, словно ему доводилось встречать в своей тайге девиц в легкой городской одежде каждый божий день, отвернулся.

Он слышал, как за спиной девушка лихорадочно натягивает на себя его подарки.

– Наверное надо быстрее идти? – беспокоилась она.

– Нет. Время у нас есть. К тому же, коли что, Лохматый даст знать.

– Ну вот. Всё. – девушка с наслаждением похлопывает себя ладошками по надежно прикрытым теперь от любого гнуса бедрам.

Никита повернулся. Даже в грубых штанах и его рубахе, с надетой поверх курточкой, девушка ужасно мила. Она не могла не заметить того впечатления, что произвела на таёжного жителя. Смуценно улыбаясь, почесывала кисти рук:

– Думала, загрызут совсем, – улыбка делает её лицо совсем красивым. Очевидно страх прошел окончательно. Найдя помощь там, где не могла её ждать, девушка совершенно доверилась своему спасителю.

– Погодь-ка, – охотник покопался в котомке и извлек маленькую, белого стекла бутылочку с угольного цвета жидкостью, – Накось, смажься. Комар ужас как не любит этого.

– Что это?

– Деготь. – Никита капнул несколько капель себе на ладонь, растер другой и протер тыльные части кистей рук, шею и лоб, подавая пример.

Бедную собеседницу Никиты комары и мошки довели уже до такой степени отчаяния, что едва заслышав, что это средство спасет её от них, она тут же, нимало не смущаясь густым запахом гари, основательно натерла все открытые части. Лохматый с интересом наблюдал за этой процедурой. Никита улыбался.

– Да ты не сильно то. Капаешь на ладонь, растираешь, затем уж по себе. – Взгляд его участливо устремлен на лицо девушки. – Голодна небось?

– Да, – закивала та, – И попить бы.

Охотник вытащил флягу и отдал спутнице. Пока та жадно глотала воду, извлек два ломтика черного хлеба, заботливо укутанных в чистую тряпицу, проложил их отрезанным от небольшого шматка пластиком сала. Сверху присовокупил кусок холодной варенной косулятины размером едва не с кулачок девушки, и протянул все это ей. Та впилась в пищу зубками, благодарно поглядывая поверху на своего кормильца. Едва уто лив первые муки голода, с набитым ртом выдавила из себя:

– Что теперь будем делать? Куда пойдём?

– Ну перво-наперво уйти надо от твоих друзей. – девушку при этих словах передернуло, – Они собираются искать тебя вдоль гривы между рекой, – Никита ткнул пальцем куда-то вправо от себя, – и краем болота, – кивок в левую сторону, – Они уверены, что ни туда, ни туда ты не сунешься. Да так бы оно и было. Думаю, скоро тебя скрали бы, как козлёнка малого. А мы, как раз, пойдём через болото.

– Через болото? – в голосе девушки испуг. – А это не опасно?

– Со мной не опасно, – сказал без всякого бахвальства охотник, как о вполне обыденной вещи.

004

Вскоре вышли к болоту, редко поросшему тонкими сосенками и березками, с раскиданными по нему полянками волнующейся осоки. Прежде чем войти в него, Никита вырезал себе и спутнице по слегу, тщательно затерев землей свежие пенечки, замаскировав их верхушками срубленных деревьев. С нескольких шагов совершенно незаметно, что на месте четырехметрового деревца стоит полутораметровое. Словно так оно и росло. Затем обратился к спутнице:

– Ступаешь за мной след в след. Болото местами топкое, потому ни шага в сторону. Старайся ступать на кочку либо на корни. Если что – спрашивай. Устанешь – говори. Все ли понятно?

Девушка закивала. Глаза испуганы. Но закинув за спину ружье, которое до того несла в руках, и крепко ухватившись за слегу, она решительно ступила в болото вслед за проводником. Никита шел то прямо, то начинал петлять. Поначалу двигались поспешно, но едва покинутый берег скрылся за тощими деревцами из глаз, темп резко поубавили. Временами охотник останавливался и в раздумье тыкал слегой по сторонам. Лохматый прыгал вслед за хозяином, иной раз перекочевывая на его плечи, когда молодой человек считал, что самому псу не осилить дорогу из-за малого своего роста. Ехать верхом Лохматому явно нравилось. Никита останавливался и поджидал старающуюся не отставать девушку. Через час утомительного хода, промокшие по пояс, путники вышли к небольшому островку метров пяти в окружности.

– Можно теперь и отдохнуть.

– А они за нами не пойдут? – в словах девушки нескрываемый страх.

– Да нет. Я слышал их и, по крайней мере, двое, в болото соваться откажутся. Да и искать они тебя напрочь будут вдоль гривы. Не скоро поймут, что ты ушла с нее. И то скорее посчитают, что перешла реку, а не пошла на свою погибель в болото.

– А не проще бы действительно через речку, чем через болото?

– Может оно и проще. Только и им проще. К тому, там, за рекой, чуть дале, низина и сплошная болотина начинается. Много хуже этой. Здесь же мы скорёхонько выйдем и верхами уйдем далеко. Им, городским, не догнать ни за что.

– Ну ладно. – окончательно успокоилась девушка. Затем, взглянув на спутника, – Я даже не сказала тебе спасибо.

– Да за что же спасибо? – искренне удивился Никита, – Кто оставит человека в беде? В тайге так нельзя. В тайге так – либо ты враг, либо друг. Иного не дано. Мимо пройти никак нельзя. А вот имени своего ты мне действительно до сих не открыла. Или секрет какой?

– Разве? – щеки девушки зарделись, – Да нет никакого секрета. Маргарита я.

– Никита, – еще раз представился Никита.

– Рада. – Маргарита протянула молодому человеку ладошку. Тот, несколько смущенный, обтерев руку о штанину, осторожно пожал её. Ладошка необычайно узкая и какая-то хрупкая. Никите показалось на миг, что он раздавит её своей неуклюжей лапищей. И еще – она была волнующе теплой. Что бы скрыть охватившую робость, охотник встал:

– Пора, однако, идти. Чем дальше уйдем, тем спокойнее нам будет. Сейчас только, водички наберем.

Он поднял с травы флягу, из которой только что оба пили, и присев, стал набирать в нее воды прямо из болота.

– Грязная же! – ужаснулась девушка.

– Не-е. Это только кажется, что болото – сплошная грязь. На самом деле болото, самое чистое, самое здоровое место в тайге, если знаешь, как с ним обращаться. Оно только кажется состоящим из одной тины.

Маргарита подошла к Никите, заглядывая через его плечо. С другой стороны туда же сунул любопытную морду Лохматый, там явно происходило что-то интересное. Но тут же, фыркнув, разочарованно отошел.

Вода в том месте действительно необычайно чиста, на дне видны малейшие травинки.

– Конечно брать воду надо ни где попало. У трясины, среди ряски, после затяжного дождя или паводка воды лучше вообще на болоте, да и не только на болоте, не брать. А здесь смотри, видишь, сколько мха кругом? Мох чистит воду. К тому же, если сомневаешься, кинь во флягу веточку черемухи или листочек багульника. Можно несколько цветочков зверобоя. Да даже кусочек свежего древесного угля. Они всю заразу на себя заберут. На таком как это моховом болоте чистую воду всегда легко найти. Но все же, – улыбнулся он, поднимаясь и затыкая фляжку пробкой, – Всё же лучше пить чай из этой воды, что мы и сделаем, как выйдем на верха. Моя сестра, так та завсегда заставляет воду кипятить. Ругается, если кто прямо из реки или озера сырую воду пьет. А вот на болоте, в таком как это месте, вода всегда чистая.

– Такое впечатление, что ты любишь это болото.

– А чё-ж не любить то? Всё, что ни на есть в природе, создано с умом и смыслом. Во всем своя красота. И в болоте, и в тайге. И в поле есть своя красота, и в реке своя. А каковы озера... Да самое малое из них – целый мир. И везде своя жизнь вертится.

– И даже тут?

– А то как? И тут полно. Умей только разглядеть.

– А как человек? Тоже красив?

– Тоже. Сумей увидеть. – повторил он, – Вот как в этом болоте. Вроде бы казалось болото, одна грязь да муть, а присмотришься...

– К каждому присмотришься? Каждый красив?

– Каждый, – уверенно закивал Никита, – Каждый. Найди её только, красоту эту. Да, иной раз, самому ему покажи. Что бы он и сам в себе эту красоту смог разглядеть. Многие о себе не знают всего. На что они на самом деле способны. Им сказали, что они такие то, то они и думают. А убеди в другом, то и сам человек поверит в свою доброту.

Девушка пожала плечами. Всё-таки странный этот местный тип. Дикарь какой-то. Но вроде не опасный. Пусть себе любит всех. Главное, чтоб вывел её из этого ужасного леса. Она присела, подтянула на своих вымокших насквозь ботинках шнурки. Снимать их и выжимать брюки и гольфы не имело сейчас смысла. Затем почти весело встала, повесила ружьё перед собой на шею, взяв в руки слегу, заявила, что готова идти дальше. Осмотрев её критически и решив, что она вполне выдержит дальнейший путь по болоту, Никита вошел в воду.

005

Вторая половина пути далась Маргарите, несмотря на её браваду, тяжелее первой. Сказывалась и общая усталость, и перенесенный девушкой стресс. Да и голод давал себя знать. Тот запас энергии, что она получила от пары кусочков съеденного хлеба с прослойкой сала и мяса, давно уж закончился. Шли большей частью по колено в воде, иной раз погружаясь по пояс. Но дно в основном везде плотное. То ли все болото такое мелкое, то ли её проводник столь удачно выбирал тропу. Вскоре в голове Маргариты уже не осталось никаких мыслей. Одна пустота. Ватные ноги сами, без всякого её участия, несли её тело вперед. Руки сами цеплялись за слегу и тыкали ей в разные стороны.

Уже сильно за полдень наконец то вышли из болота, мокрые, грязные и утомленные. Охотник с облегчением скинул с плеч разомлевшего пса. Маргарита надеялась, что сейчас-то они отдохнут, но её сопровождающий и не думал останавливаться. Он лишь позволил девушке выжать одежду, скромно отойдя за кусты, где и сам проделал то же самое. Затем еще долго брели по тайге. Маргарита уже не различала ни дороги, ни своих ног. Казалось она бредёт во сне. Девушка давно бы взмолилась об отдыхе, если бы не страх погони и вера в то, что её спаситель знает, что делает. И когда Маргарита уже думала, что сейчас упадет и умрет, и возможно эта даже к лучшему, они остановились.

– Ну теперь можно смело передохнуть. Сюда они наверняка не заберутся. Я нарочно зашел так, что прямым путем к нам не выйти. – в голосе Никиты ни нотки усталости.

Девушка стояла, еле держась за ствол какого то деревца, а в следующий момент её уже будят, потряхивая за плечо.

– Что? Идти дальше? Сейчас, сейчас. – но глаза не открываются. Еще хоть минутку.

– Нет, нет. Мы здесь на ночевку останемся. А вот поесть тебе надо непременно. – голос Никиты весел и беззаботен.

Маргарита, умиротворенная тем, что никуда идти не надо, открывает наконец глаза. Тайга погружена в сумрак. Горит небольшой костерок, создающий вокруг себя уютный световой кокон. Маргарита находится в этом коконе. Она садится, поджав ноги. Только теперь замечает, что накрыта каким-то покрывалом. Заматавшись в него, девушка с наслаждением обхватывает обеими ладонями предложенную ей теплую берестяную кружку с чем-то горячим и вкусным. По жилам побежало тепло, разнося его по всему телу. Хорошо. Сделав несколько маленьких глотков, Маргарита чувствует, как просыпается голод. Тут же к самым ее ногам придвигается котелок, наполненный до половины ароматной гречневой кашей с кусочками мяса и еще чего-то, студенистого, крахмалистого. В руки суются ломоть хлеба и деревянная ложка. Но в руках кружка. Маргарита растеряна. Выпускать кружку так не хочется. Никита забирает кружку, ставит её на землю, и вручает ложку с хлебом. Маргарита ест. Какое все-таки это наслаждение – еда! Кажется, ничего более вкусного она никогда не пробовала. Только сейчас она понимает, насколько проголодалась за последние дни. Сквозь приятную полудрёму доносятся слова спутника:

– Это твои ложка и кружка. Пока ты спала, я их сделал специально для тебя.

Маргарита скорее ощущает, как ее голова согласно кивает, чем руководит этим процессом. Глаза слипаются. Мысли приятно вязнут. Молодой охотник, дождавшись, когда девушка наестся, указывает ей на подготовленное для нее ложе из нескольких охапок веток, и, уложив туда, заботливо накрывает тем же покрывалом. Спасенная девушка почти сразу засыпает. Последняя её мысль – а не всю ли кашу в котелке она съела? Оставила хоть немного хозяину? Но усталость не дает развиваться чувству вины и она незаметно переходит из колких рук совести в мягкие руки Морфея.

Никита какое то время еще сидит напротив, глядя на неожиданно свалившуюся на него проблему, и решает, что делать дальше. Лохматый преданно смотрит на хозяина, словно осознавая, что именно сейчас, в эти самые минуты, решается их общая судьба на ближайшее время. Почему то эта проблема не воспринимается молодым охотником, как обуза. Странно даже. Только на прошлой неделе он отказался быть проводником у пары городских пижонов. Что ему их обещанные деньги? Они сами ему просто не пришлись по душе. А тут сам... Наконец и его сморило. Сегодня действительно прошли много. Велев на последок Лохматому сторожить и поправив костер, молодой охотник укладывается на свою лежанку и тоже засыпает. Его сон спокоен. В нем нет тревоги.

Глава 3

006

Охотник разбудил спутницу на восходе, лишь небо едва-едва просветлело, дав возможность различать траву под ногами. На небольшом костре уже закипала вода в котелке. Бросив туда горсть ароматных трав, протянул кутающейся в покрывало девушке неказистую с виду лепешку, испеченную им только что из густо замешанной с водой муки, сказав:

– Извини, хлеба нет больше. Я беру буханочку – другую по случаю, как бываю в каком поселке. А так ношу с собой муку. Меньше веса, да и сберечь проще. К тому, не заплеснеёт.

Озябшая, позевывающая девушка, схватив лепешку, впилась в неё ровными, белыми, ухоженными зубками, с удовольствием пережевывая теплую хлебную плоть. Никита, помещивая веточкой в снятом с огня котелке, поинтересовался:

– Давай-ка решать, куда мне тебя дальше вести. Вообще – кто ты такая, как очутилась в тайге и почему на тебя, как на «совыра» какого охотятся?

– На кого?

– На зайца.

– Я-то? – промычала девушка, откусывая еще кусок, не в силах удержаться, и смогла продолжить лишь тогда, когда от лепешки не осталось и следа. Вздыхнув, с жалостью взглянула на свои жирные пальцы, облизала, поглядывая на землю у костра, не осталось ли там еще чего. И убедившись, что это была вся её порция, с сожалением продолжила:

– Потому что я – дочь своего отца.

– Во как! – усмехнулся Никита, – Ну так и я сын своего отца. Только меня-то никто не скрадывает. Каждый чей либо сын али дочь. Но это не повод гонять его по тайге. Может в городе у вас иначе как?

– Да нет. В городе у нас так же примерно. Тут всё дело в том, кто твой отец. – девушка вздохнула и погрузилась в себя, забыв, казалось, и о своем спасителе, и о том, где они находятся.

Не дождавшись продолжения, Никита напомнил о себе:

– Ну-ну. Так кто твой отец?

Маргарита вздрогнула, словно над ухом неожиданно раздался громкий хлопок. Молча, раздумывая, пристально посмотрела на охотника и, решившись, тихо начала свой рассказ:

– Мой отец весьма богатый человек. Очень богатый. Невероятно богатый человек. Таких по всему миру не больше сотни наберется. Ну уж не больше тысячи, это точно. – поправила она сама себя, – Он владеет заводами, домами, кораблями, самолетами, целыми компаниями и... и бог ещё знает чем... Вернее, владел до недавнего времени. – девушка вновь замолчала. На её щеках блеснули две мокрые дорожки. Молодой человек, чувствуя большую неловкость, не торопил собеседницу. Наконец она продолжила:

– Два месяца назад мой отец погиб. Погиб странно. До сих пор так считаю. Теперь даже больше, чем раньше. Теперь уверена в этом. Он сорвался со скалы, когда принимал участие в восхождении на одну из не таких уж больших гор на Северном Урале. А «странно» – потому что отец никогда альпинизмом особенно не увлекался. Точнее вообще не увлекался никогда. Он высоты... ну не то что бы боялся, но не любил её. А тут вдруг – в горы. Сказал, что друзья уговорили поехать на недельку. Вроде как подарок ему на день рождения приготовили. Уезжая, пообещал нам с братом, что скоро вернется и мы поедем все вместе отдохнуть на пару недель. Одни. Мы редко последние несколько лет вместе собираемся. Мой брат воспитывается в колледже в Англии, а я в этом году заканчиваю университет во Франции. Философский

факультет. Буду магистром философии. Я почти одна девушка на факультете. Есть там еще одна бельгийка. Говорят не женское это, философия. А мне интересно. Отец говорит... говорил... что у меня философский склад ума. – девушка печально улыбнулась, – Встречаемся... встречались, не так часто, как хотелось бы. Но отец очень занят, он постоянно в разъездах... Да. А через три дня сообщили, что его больше нет. Было даже какое-то следствие. Признали, что произошла трагическая случайность. Там и свидетелей оказалось множество. – девушка глубоко вздохнула, поперхнувшись закашлялась, – Не верю... не верю я в такие случайности... Но, тем не менее... произошло то, что произошло.

Минуты три она со свистом тянула через край кружки горячий чай, обхватив её обеими ладошками, стараясь успокоиться и взять себя в руки.

– Мы с братом – единственные наследники отца. – продолжила она тихим голосом, почти шепотом, – Мать умерла, когда Мишка был совсем маленьким. Он её даже не помнит. Говорит – руки теплые помню, а лица – нет. Родителей ни у отца, ни у матери не было. Ни дедушек, ни бабушек. Оба детдомовские.

– Какие? – не понял охотник.

– Что? – подняла на него влажные глаза девушка, – А-а. Детдомовские, – и, видя, что он не понимает, разъяснила, – Ну из детского дома. Это когда у человека нет родителей, его отдают в специальный дом, где чужие для него люди воспитывают его вместе с такими же бедолагами.

– Непонятно, – пробормотал скорее для себя, чем для собеседницы Никита, – Непонятно. А родные? Тети, дяди там. Соседи. Почему чужие люди?

– Ну, в общем, не это важно. – Маргарита раздраженно дёрнула плечами, – Важно то, что мы с братом единственные наследники миллиардов отца.

– Миллиардов чего? – опять не понял охотник.

– Чего? Денег, конечно. Доллары, в основном.

– А. Это вроде рублей?

– Вроде. – поневоле улыбнулась девушка, – Отец был из тех людей, о которых говорят, что они сами себя сделали. При этом наличных денег он с собой никогда не имел. Не знал, как в автобусе расплатиться. Даже не знал цен в магазинах. Судил о них, вспоминая времена своего детства. Да и нас с братом не баловал. А мы что... мы понимали... не всегда, конечно, – глаза Маргариты округлились, брови выгнулись дугами, – Все его миллиарды вложено в активы, акции компаний, предприятия, многие из которых находятся за границей, в самых разных странах. – девушка вновь затихла.

– А так как мне уже двадцать один год исполнился...

– Тебе двадцать один год? – изумился Никита.

– Ну да. А сколько же?

– Я подумал лет шестнадцать-семнадцать.

– Ну ладно уж, – щеки девушки зарумянились, – Что, я так молодо выгляжу?

Никита слегка склонил голову вправо, двинув левым плечом. Что он понимал в женщинах, что бы определять их возраст на глаз? Вот попробовал, и вышла ерундовина какая-то. Не понять, то ли недовольна, то ли наоборот, польщена.

– В общем, потому что мне недавно исполнился двадцать один год, я могу вступить в права собственности имуществом отца не только у нас, но и за границей. Брату моему пятнадцать. Он своей долей собственности распоряжаться пока не может, но так же имеет право на половину наследства. Над братом я собираюсь установить опеку до его совершеннолетия. В наследство мы можем вступить только через полгода после смерти отца. Вопрос в том, что всё это время, то есть эти полгода, всеми активами, имуществом отца кто-то должен управлять. Так вот, после смерти отца среди его бывших партнеров по бизнесу началась какая-то возня. Я это не сразу поняла. Считала, тупица, что все вокруг искренне оплакивают его. Для меня мой отец идеал. Да и все вокруг хорошо всегда о нем отзывались, даже когда не знали, что

перед ними стоит его дочь. Но очень скоро стало понятно, что не смерть друга заботит его, так называемых друзей, а дележ его наследства. Даже мой брат вскоре увидел это.

– Но мы не сразу поняли, что оказались лишним звеном в этой очереди за миллиардами. Причем звеном первым. Это я теперь понимаю, что над нами уже тогда нависла угроза. Нам могли запросто подстроить какую либо каверзу, быструю и верную смерть. Автокатастрофу, например. Но дело в том, что наше наследство, всё, в полном объеме, должно перейти кому-то на законных основаниях. – девушка опустила голову, – Думаю, что только благодаря этому мы всё еще живы. Я последние дни всё время над этим размышляю. И пришла к выводу, что у этих людей был один выход – каким-то образом приручить нас до вступления в права наследства, оформить наше намерение о передаче всех прав на него. Во всяком случае, прав на управление бизнесом от нашего имени. Младший партнер и один из ближайших друзей отца, дядя Вазген... оказался и самым... В общем это тот еще мерзавец оказался. Чего только он не делал. Сначала пытался стать нашим опекуном, но я и совершеннолетняя, и болезней у меня никаких, хотя и засылали ко мне каких-то врачей. Говорил, это формальность нужна для оформления наследства. Что надо проверить, нормальные ли мы. Ему то, как раз, обратного хотелось. Сейчас-то я понимаю, что он просто хотел найти причину признать меня недееспособной. – Маргарита горько засмеялась, – «Недееспособной». Я полгода назад даже слова то такого не знала. Затем «дядюшка Вазген» вдруг стал помогать моей руки, обещая бросить жену. Оказывается он с детства (с моего, разумеется) влюблен в меня. Ждал только, когда я подрасту и хотел у отца руки моей просить. Правда женился тем временем и трех детишек завел. Да разве это помеха настоящей любви то? Вот именно тогда я всё и поняла. Затем этот мерзавец, поняв, что хитрость его слишком очевидна, стал уговаривать, чтобы я отказалась от своих прав на наследство от своего имени и от имени брата и передала ему все свои акции, обещая не оставить нас своей заботой, не обидеть нас, предоставив нам по несколько домов там, где мы сами того пожелаем, хоть на разных континентах. Денег миллионами и тому подобное. Говорил, что все равно мы по своей неподготовленности все наследство отца по ветру в считанные недели пустим. Да и не такое на самом деле, говорил, великое оно, наследство наше. Большинство фирм работают последние годы в убыток. Многие объекты заложены-перезаложены. Отец был, якобы, на грани банкротства, а нам не говорил, чтобы не расстраивать. Так что если все свести к голым деньгам, то мы даже должны еще каким-то кредиторам останемся. А он возьмет все заботы на себя, не даст нам бедствовать и в любом случае позаботится о нас. Когда и это не вышло, он нанял другого мерзавца, некоего Савелия, что бы тот похитил нас и, либо вынудил подписать все необходимые документы, либо просто удерживал нас вдали до тех пор, пока не пройдет срок принятия наследства. А там уж он, каким либо образом, придумал бы, как наложить лапу на наше несостоявшееся наследство.

– Неужели этого никто не видел? Неужели никто не попытался помочь вам с братом?

– Кто? Кому мы нужны? Главной заботой всех последние два месяца стало, что бы мы куда либо исчезли. Но исчезли не просто так, а оставив после себя документы о передаче всех прав на собственность отца этим добрым людям. Так мы и оказались в тайге, в каком-то поселке, в окруженном высоченным забором доме. Без единого друга и без надежды на помощь. – из глаз девушки давно уже лились слезы. Она наконец-то позволила себе побыть слабой. – Мне два дня назад удалось бежать прямо из машины, прихватив ружье водителя с двумя патронами, которые оказались в стволах, когда меня повезли на очередную встречу с нотариусом. Нотариус убеждал нас, главным образом меня, что для нас самым выгодным и лучшим поступком станет передача своего наследства под управление дядюшки Вазгена, так как иначе мы наверняка промотаем все это богатства за полгода – год. А так у нас не будет никаких лишних хлопот. Всё, что нам понадобится, наш добрый дядюшка нам и так даст. А затем, когда мы с братом станем взрослыми, наберемся ума и опыта, выучимся, и когда сами сможем управлять всеми делами, вот тогда и получим их в целостности и сохранности обратно.

Нас и уговаривали, и запугивали, особенно не скрывая этого. Думаю, что бандиты не доверяли никому, даже этому юристу, и не хотели, что бы он знал, где нас держат, потому и возили к нему в какой-то другой поселок за несколько десятков километров. Вот с тех пор я и брожу по тайге. Я не знала, даже примерно, куда надо идти. Да и вообще куда идти, не представляю. Где я могу быть спокойна за свою жизнь? Где меня оставят в покое, я уж не говорю – помогут. Совершенно не знаю. – девушка при этих словах горестно качала головой.

– Неужели у отца не было действительно настоящего друга.

– Не знаю, не знаю даже теперь. Мне кажется, что из-за этого наследства все вокруг с ума посходили.

– Подумай. Не может такого быть, чтобы не осталось ни одного верного человека. Не бывает так.

– Похоже бывает. Я сейчас, к сожалению, в этом убедилась.

– Подумай, подумай, – мягко настаивал молодой человек, – Должен быть хоть кто-то.

Маргарита задумалась, смешно наморщив свой лоб под рыжей всклокоченной челочкой. Никита невольно улыбнулся.

– Есть друг, с которым папа правда виделся редко. Они когда то вместе служили в Афганистане и отец очень ценил его. Отзывался о нем всегда только хорошо. Говорил, что этот человек принципиально не возьмет ни одной чужой копейки. Но я даже не знаю теперь, кому и верить можно. Да и речь идет не о копейке, а о сотнях и сотнях миллионов этих копеек.

– Как его звать?

– Дядя Вася. Подожди-ка... Василий... Василий... Да! Василий Петрович... Новак. У него свой бизнес где-то, то ли на Украине, то ли в Белоруссии. Конечно не такой, как у отца, но тоже немаленький. Что-то со строительством. Вспомнила, папа говорил, что он лучшие мосты строит. Подряды чуть ли не по всему миру получает. Всегда нам его в пример ставил. Он тоже, когда то, своё дело с нуля начинал, как и папа.

– Вы виделись когда либо с ним?

– Конечно. Он приезжал к нам. Вернее не к нам, а к отцу. Раньше почаще, последнее время редко. Но раз в год обязательно. Последний раз как раз где-то с год назад. Наверное и на день рождения отца бы приехал. Но общих дел они с отцом никогда не вели. Отец говорил, чтобы не было повода поссориться, общий бизнес не способствует дружбе. Дядя Вася хорошо к нам относится. У него до сих пор нет своих детей, так, помню, когда я была маленькая, таскался со мной, как с писаной торбой. Отец ворчал даже, что испортит ему ребенка. Да и Мишке всегда норовил что либо привезти в подарок этакое. Всегда говорил отцу, «завидую тебе, Андрюха. Таких ребятишек имеешь. А меня вот бог наказал». Может быть его найти? Только вот не знаю, где. Слушай... Да, теперь точно вспомнила. Отец как-то раз даже сказал мне «если что со мной, Василий о вас позаботится». Новака искать надо! Спасибо, что заставил подумать. Если кто и поможет, то только он. А если и он окажется таким же, тогда и не знаю совсем... Тогда мы пропали.

– Ладно. Если говоришь, они в армии вместе служили, то всё будет нормально. Я сам-то в армии никогда не служил и, честно говоря, плохо представляю, что это такое, но мой отец служил. И не раз говорил мне, что армейская дружба, самая верная дружба. Армейский друг не предаст. Вот и будем искать этого армейского друга твоего отца. А пока пойдем в убежище, где немного передохнём и всё спокойно обдумаем.

– Что за убежище? – спросила деловым тоном Маргарита, вставая и аккуратно складывая покрывало.

– Да есть у меня заимочка одна, – Никита с интересом следил за руками девушки. – Избушонка то небольшая, да теплая. Я там зимой живу, как шкурками промышляю, да летом иногда захаживаю, как в той стороне случится. – охотник взял сверток из её рук и принялся подвязывать к своему вещмешку.

Девушка согласно хлопнула ресницами, на мгновение потушив зеленые огоньки глаз. Этот человек вызывал в ней доверие. Он такой спокойный и надежный. С ним она не чувствовала никакой опасности и не ждала от него никакого подвоха. Ей, почему то казалось, что этот человек просто не способен на гнусность.

– А как тебя отец с мамой звали? – неожиданно спросил охотник, прервав сборы.

– Отец Маргошей звал, Маргариткой, Цветочком... – зарделась и, вместе с тем, загрустила Маргарита, вспомнив погибшего отца, – Брат чаще просто Ритой, Риткой. Когда что-то выпросить хочет, Ритулькой, Ритулечкой. А мама – Марго... Маргарита Андреевна Стрешнева я! – вдруг гордо тряхнув рыжей копной, выпрямилась и стала, как бы даже выше ростом. В её голосе промелькнули стальные нотки, в глазах – холодок превосходства. Вероятно девушка считала, что её фамилия должна поразить собеседника, привести его в трепет. Но тот отреагировал на удивление спокойно. Похоже он слышал эту фамилию первый раз в жизни. Но имя ему явно понравилось.

– Маргаритка, – произнес он, растягивая, словно пробуя на вкус. – Марго-о-оша, – казалось он не заметил возникшей мгновением перемены в её голосе, – Очень красиво. Так что идем далее, Маргарита Андреевна.

Девушка бросила на него взгляд, не смеется ли над ней за её невольно проскользнувший снобизм? Да нет. Не заметил, слава богу. Пожав плечами, она принялась собираться.

007

Беглецы молча закончили нехитрые сборы и отправились дальше. Никита шел нескорым, размеренным шагом, чтобы не дать спутнице быстро утомиться, слыша временами за спиной несдерживаемые всхлипы. Он не решался вновь заговорить с ней, давая время прийти в себя и успокоиться. Это ей сейчас очень нужно. Просто остаться наедине со своими мыслями. Привести их в порядок. Когда они остановились на полуденный привал, девушка по-прежнему была задумчива и грустна. Никита не отвлекал её, сообразив на скорую руку скудную трапезу и позволив девушке часа два подремать. Затем, тщательно уничтожив следы их пребывания, легко потряс спутницу за плечо.

008

К вечеру небо заволочло тучами, заморосил прохладный дождь. Огненные волосы Маргариты пожухли и облепили прядками лицо. Заметив, что девушка зябко ёжится, охотник принялся оглядываться по сторонам, пока не нашел того, что искал.

– Здесь и остановимся на ночь. Вот чистое местечко, со всех сторон прикрыто. Костерок никто не увидит. – он указал на отдельно стоящий роскошный куст, – Он и прикроет нас. Сейчас только дровишек запасем.

Маргарита, стараясь быть полезной, отблагодарив проводника за его хлопоты, тут же схватилась собирать по земле хворост – куски иссохших до серости веток, клочья коры. Никита, бросив взгляд, остановил её:

– Не надо, не надо.

– Почему? – удивилась девушка.

– Понимаешь, они только с виду сухие, но внутри пропитаны влагой. В костре станут дымить. Мало что у такого огня сидеть муторно, так и дым поднимется такой, что наш табор только слепой не увидит.

Глава 4

– А что же в костре жечь то? – девушка растерянно озиралась.

– Надо выбирать на дрова только сухие деревья, но не павшие, а высохшие на корню. Из тех, что еще держатся на ногах. Глянь-ка вверх, – Маргарита задрала голову, – Видишь вот у этой сосенки, и вот у той, и вот – охотник показывал пальцем на деревья, – видишь, крона совершенно сухая и голая? Все иголки обсыпались, а кора дерева еще цела.

– Вижу.

– Соки от земли по их телу уже не поднимаются, значит – сердцевина сухая. Но и кора еще крепка, дышит. Даже сильный дождь ей не страшен. И в затяжные дожди такое дерево внутри останется сухим. Только выбирать надо обязательно из тех, где ни одной веточки живой нет. Если где хоть одна зеленеет, сок пока мист к ней по всему стволу тянется. Дерево не совсем иссохло. И выбирай сосенку. Береза или ольха, те, глянешь, вроде сухие поверху, ни листика, кора крепкая, белая, плотная как кожа. Но под такой корой древесина вся влажная. Потому как береста влагу ни вовнутрь, ни наружу не пускает. Так и прееет понемногу, пока корни не подгниют и дерево не падет. Толкнешь слегка бывает, она и пошла наземь. Только без толку это. Погнила вся внутри. Сосна, та наоборот. Кора у нее пористая, дышит. Древесина в меру смолистая. Стоит такая сосна, медленно сохнет.

– А я так наоборот слышала, что березовые дрова лучше. Сосна или ёлка много хуже.

– Береза впрямь хороша. Для печи. В избе. Когда она свалена живой, да лучше как зимой. Напилена чурочками, наколота полешками и просушена в поленнице с годик. Где здесь такую поленницу сыскать? Или когда дым нужен, подкоптить что, тоже березка с ольхой хороши. А в тайге, так сосенка куда с добром. Огонь сухой, жаркий, ровный.

– Как же мы свалим такое дерево. Ни у тебя, ни у меня ни топора, ни пилы. Да я, честно говоря, никогда и не брала ни того, ни другого в руки.

– А мы их голыми руками завалим.

– Как это – голыми? – ахнула Маргарита, глядя на собеседника. Хоть он и был вполне крепок и на голову выше её, но впечатления Ильи Муромца не производил. Уж не подшучивает ли тот над ней.

– Очень даже просто. Сейчас увидишь, – Никита скинул котомку, пристроил рядышком ружьё. Осмотрев одно сухое дерево, другое, третье, он, наконец, выбрал то, что подходило для задуманного им по всем параметрам. Довольно высокая молодая, безвременно почившая в бозе сосенка с крепкой, плотной корой и совершенно голой кроной. Толщина ствола лишь немногим превышала толщину запястья охотника. На вид это вполне крепкое дерево руками сломать, даже имея медвежью силу, положительно невероятно. Во всяком случае Маргарита не представляла себе, как это можно сделать. Но теперь она ничему уже не удивится. Даже если охотник вот сейчас, сию секунду возьмется, обхватит, поднатужится, да вытащит голыми руками деревце из земли вместе с корнями и разломает его на коленке на кусочки, она легко смирится с этим.

Впрочем, судя по всему, охотник и не собирался рубить дерево или ломать его руками. Он подошел к выбранному дереву, поднял руки вверх и уперся ими повыше головы в ствол, ногами в землю. Затем, не очень сильно, надавил на ствол. Дерево лишь слегка качнулось. Но это нисколько не обескуражило «лесоруба». Ослабив нажим и дав стволу слегка качнуться назад, дождавшись легкого обратного движения, Никита вновь нажал на него. И так, используя усиливающиеся раскачивания ствола, каждый раз помогая ему руками в нужном направлении, молодой человек добился того, что уже на третьем качке внизу, в корневище, что-то затрещало, а еще через пару надавливаний дерево, чуть замерев напоследок, со звонким стуком грохнулось оземь. Никита, не спеша, пока дерево задумчиво падало, отошел в сторону.

– Как это? – глаза девушки словно колеса, – Ну ты даешь! Как слон!

– Да нет. Ничего тут хитрого нет, и никакой особой силы не требуется. Вполне обычно. Так таежники, как нет топора, и добывают себе топливо. Поверь, даже ты легко с этим справишься.

– Ну конечно! – девушка недоверчиво улыбнулась.

– Просто у этих, крепких еще с виду, но мёртвых деревьев уже давно подгнили все корешки и они едва держатся на ногах. У сосны корни вообще вглубь не идут, стелются поверху, слегка присыпаны землей. А как сок перестает по ним течь, они быстро слабнут. Надо лишь слегка помочь упасть дереву. Кстати, обрати внимание – я выбрал не просто сухое дерево, а дерево подходящей толщины, без больших ветвей, с чистым почти до макушки стволом.

– А это зачем?

– Не забывай, у нас нет топора. Ножом же отрезать ветви умаешься. Да и лишнее это.

– Так мы весь ствол в костер запихаем? Огромный костер получится!

– Зачем весь. Я специально выбирал толщину подходящую.

Никита вновь огляделся по сторонам, пока не нашел поблизости дерева с раздвоенным стволом. Между росшими от одного корня деревцами, на уровне груди охотника оставалась прореха сантиметров в тридцать. С видимым усилием он поднял лежащую на земле сосенку, просунул её верхушку (обломав предварительно толстые ветви) меж стволами, зацепив дальним концом за одно из них. Затем, перебирая закрепленный ствол руками, сместился к противоположному его концу, поближе к остаткам корней, и нажал на него всем телом. Раздался хруст... и вместе, где ствол опирался о ближайшее дерево, он обломился, образовав неровный, с коротким острым отщепом, край. Верхушка упала на землю. Никита вновь просунул ствол, что удерживал в руках, между деревьев, и повторил процедуру. И каждый раз, после негромкого, трескучего, словно глухой выстрел, звука на землю падало очередное полуметровое брёвнышко. Девушка заметила, что молодой человек не просто подаёт ствол с каждым разом вперед, но и оборачивает его при этом в руках вокруг себя, опирая о деревья то одним, то другим боком. Заметив это, охотник пояснил:

– Так меньше пружинит и ровнее ломается.

После того как в руках у лесоруба остался едва полутораметровый толстый шест, который ему уже сломать не удалось, он отложил его в сторону, заявив, что спалят постепенно и его. Под руководством молодого человека девушка повалила еще одно сухое деревце, которая сама же и выбрала, поначалу опасаясь, но вскоре поняв, что тут действительно большой премудрости нет. Значение имеет не столько сила, сколько правильная техника раскачивания ствола и годность выбранного экземпляра. Когда дерево повалилось, Маргарита, забыв обо всем, завизжала от избытка чувств. Никита, ухватившись за рукав её куртки, усмехаясь, лишь оттащил девушку в сторону от подпрыгнувшего комля. Тут же своевольное существо настояло на том, что бы повалить еще пару стволов. Дальше Никита воспротивился бессмысленному истреблению сосёнок, заявив, что дров им на ночь хватит с избытком, а портить без толку негоже даже сухостой.

– Да вон их сколько вокруг! – упрямо ворчала девушка, кидая на учителя испепеляющий снопами зеленых искр взгляд, – Что случится плохого? Вали хоть сто, хоть тыщу – меньше не станет!

– От ста может и не станет. А если каждый, кто в тайгу придет, будет так рассуждать? Так через десяток лет в тайге ни то что деревьев, зверья не останется. Каждый скажет – мне хочется! Не дело это, девушка! Совсем не дело, так думать. Брать, бери, но бери столько, сколько надо, а не ради баловства. Лишь бы взять.

Маргарита, несколько пристыженная нравоучением, данным ей человеком, явно менее образованным и воспитанным, но нравоучением заслуженным, молча смотрела, как охотник

разламывает вышеописанным способом её добычу на куски, сказав, что для этого «силенок поболее требуется».

– Теперь и костерок можно соорудить. – наконец сказал Никита, складывая наломанные полешки ровной кучкой. От них же ножом настрогал немного щепы, сложив отдельно. Сюда же добавил охапку сухих тонких веточек. Брать их надо, как он пояснял своей ученице, не абы какие и абы где, а те, что лежат на земле под низкими раскидистыми кронами больших елей, растущих на возвышенных сухих продуваемых местах. Здесь они даже в дождь остаются сухими и на костерок всегда набрать можно. Во всяком случае летом. Зимой же придется обходиться тонко струганной древесиной и берестой.

Прямо с земли, особо не церемонясь, охотник насбирал бересты, нарвал её полосками и уложил отдельной, четвертой, самой маленькой кучкой.

Затем Никита достал из котомки какую-то железку, сероватый камушек и клочок коричневой ватки, от которой отщипнул немного, а остальное, аккуратно завернув в тряпицу, спрятал обратно.

– Что это? – заинтересовалась девушка, примостившаяся прямо на коленках рядом и внимательно наблюдавшая за всеми манипуляциями проводника.

– Это называется огниво. Сейчас огонь добывать будем.

– Огонь? А не проще ли спичками? Или что такое спички, не знаешь? А может о зажигалках что слышал, газовых там или бензиновых? – ехидно подначивала Маргарита.

– Да как будто слышал что. – спокойно ответил Никита, – В одной деревушке рассказывали. Там как-то, года три назад, в магазин несколько коробков завозили. И интересная вещь, скажу тебе!

Девушка недоверчиво смотрела на собеседника, не понимая, шутит ли тот или говорит серьезно и кто над кем насмешничает.

– Только вот беда, девушка, какая. Спички то имеют привычку кончаться. – продолжал Никита самым серьезным тоном, – А газа для зажигалки или бензина в тайге не сыщешь. Мне, по крайней, пока месь не встречалось. А вот это, – он приподнял огниво, – Оно всегда при мне. Кремешок найти нетрудно у реки или ручья какого, был бы песочек. Заместо кресала и нож сгодится в случае чего. Ну а трут, что бы искру подхватить да оживить, много из чего сделать можно. Вот этот из гриба, что на березе растет. Так и называется – трутовик.

– Этот, – деловито кивнула Маргарита на наплыв, изуродовавший ствол ближайшей березы.

– Нет, это чага. Тоже полезная штука. А трутовик эвон... – Никита указал пальцем на другое дерево, на котором примостились несколько крепких, с синеватым отливом плотных шляпок, напоминавших грибные, наполовину вросшие в ствол. – Эти молодые еще. Выбирай тот, что постарше. Из под верхней корки наскреби, просуши, вот тебе и трут. А если наперво да выварить несколько в воде со жменью пепла, так он ту искру хватанёт на лету. Тлеть станет, пока весь не исшаит, в прах. – говоря это, Никита пристроил половчее в левой руке камушек, прижав сверху к нему большим пальцем, впусив перед тем, коричневую ватку таким манером, чтобы часть её выступала вперед.

Неподвижно держа в правой руке металлическое кресало, похожее на маленькую, сплюснутую подковку с мелкой насечкой, он неспешно чиркнул по нему раза три острым сколом камушка, каждый раз вызывая вверх снопик толстеньких искр, некоторые из которых тут же вцеплялись в трут своими мелкими красными зубками. Никита поднес ватку ко рту, раздувая светящиеся пятнышки, быстро расплзшиеся по всему труту. Отложив огниво, он взял в правую руку комок из заготовленной заранее мелкой сухой травы, сложенной в виде небольшого птичьего гнезда, и, осторожно укутав внутрь дымящийся трут, стал, вытянув губы трубочкой, дуть. Вскоре из зажатого в его ладонях клок сена повалил белесый дымок, и, мгновеньем спустя, он вспыхнул веселым огоньком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.